

Сухотерина Т.П., кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания

Кузнецова А.С., студентка 5 курса филологического факультета

Николаева А.С., студентка 2 курса филологического факультета

Алтайский государственный педагогический университет

г. Барнаул

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛИНГВОПЕРСОНЫ ВО ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТАХ

Целью данной статьи является описание вторичных текстов с точки зрения проявления в нем лингвоперсоны.

Лингвистическая персонология была выделена в самостоятельное направление науки о языке в XX веке В. П. Нерознаком, который в 2003 году ввел более лаконичную формулировку – «лингвоперсонология». Лингвистика в персонологическом измерении подразумевает описание языка, текста, речевой деятельности в персонологическом аспекте. Языковые категории рассматриваются сквозь призму характеристик личности. Стержневым понятием лингвоперсонологии является понятие «языковой личности». Многогранность этого феномена помогает обозначить множество подходов к его изучению. Основной задачей лингвоперсонологии является построение типологий языковой личности, которые базируются на различных основаниях.

Вслед за Г. И. Богиним под языковой личностью мы понимаем индивида, который готов исполнять речевые акты, создавать и принимать произведения речи [1, с. 14]. В работе индивид рассматривается нами как носитель языка, анализируемый с точки зрения его способности к речевой деятельности.

Опираясь на положение Н. Д. Голева о лингвоперсонологическом варьировании языка, в нашем исследовании мы используем понятие персонотекста, под которым понимаем текст в аспекте проявления в нем свойств языковой личности, автора и/или адресата. Вторичный текст понимается нами в широком значении – это текст, созданный на базе другого текста, то есть ответная реплика, строящаяся по принципу свёртывания / развёртывания сообщения. Вследствие этого, нам видится, что уровень описания языковой личности будет деривационным. Этот принцип является основным при изложении информации, в результате которого появляются тексты, в разной степени содержащие определенную часть первичного текста.

В рамках данной статьи мы выделяем и описываем совокупность характеристик автора (адресанта), используя термин «лингвоперсона», под которым вслед за Н. Д. Голевым понимаем «конкретную языковую личность, реконструируемую из речевых произведений» [2, с.14].

Гипотезой исследования является положение о том, что в процессе создания вторичные тексты персонифицируются, и в них функционирует (выделяется) определенный тип языковой личности, который будет выражен эксплицитно.

К.Ф. Седов, обращаясь к типологии языковой личности, помещает в основу типологии коммуникативного поведения принцип, сформулированный им как «доминирующая установка по отношению к участникам общения» (1999). Исходя из этого, он выделяет три типа языковой личности:

- конфликтный тип, который «демонстрирует установку на себя» и параллельно против партнера по коммуникации;
- центрированный тип, характеризующийся установкой на себя при игнорировании партнера по коммуникационному взаимодействию;
- кооперативный тип, который проявляет себя в одновременной установке на себя и партнера по коммуникационному взаимодействию [5].

В каждом из представленных типов выделяются, в свою очередь, подтипы. Так, в конфликтном типе разграничиваются два подтипа: «конфликтный агрессор» и

«конфликтный манипулятор». Первый подтип проявляется в том, что конфликтный агрессор показывает в отношении к партнеру открытую враждебность, которая вызвана стремлением увидеть в собеседнике враждебную или конкурирующую интенцию, направленность. Конфликтный манипулятор акцентирует свое внимание на собеседнике, прежде всего, как на объекте манипуляции.

В центрированном типе К. Ф. Седов также выделяет два подтипа:

1) «Активно-центрированный» – (активный эгоцентрик) иногда по своим речевым проявлениям напоминает конфликтного манипулятора: тоже может перебивать собеседника, произвольно менять тему разговора и т.д. Активный эгоцентрик задает вопрос и сам на него отвечает, определяет тему разговора и сам ее развивает, не давая партнеру по коммуникации вставить слово, высказать свое суждение.

2) «Пассивно-центрированный». Обычно речевое поведение такой языковой личности содержит несоответствие выбранных говорящим тактик ситуации общения и интенции собеседника; как правило, это свидетельствует о низком прагматическом потенциале говорящего, неумении переключиться на точку зрения слушателя. Это же выражается в упоминании имен, неизвестных собеседнику, как известных; в принципиально банальных реакциях на информацию, касающуюся коммуникативного партнера; в неадекватных реакциях (репликах невпопад); в переведении разговора на темы, которые касаются только говорящего, и полном отсутствии интереса к темам, интересующим слушателя и т.п.

В кооперативном типе выделяются два подтипа:

1) «Кооперативно-конформный» – (кооперативный конформист) демонстрирует согласие с точкой зрения собеседника, даже если он не вполне разделяет эту точку зрения. В этом случае установка на партнера как бы подавляет его собственник интенцию, что, как правило, выступает следствием боязни конфликта, конфронтации. Такая настроенность проявляется в демонстрации интереса к другому участнику коммуникации путем использования тактик вопроса, поддакивания, проявлении сочувствия, утешения, комплимента и т.д. В реальном общении обычно это выглядит как имитация (в той или иной степени убедительности) настроенности на коммуникативного партнёра. Иногда уступки в построении интеракции, которые делает конформист, воспринимаются его коммуникативными партнёрами (особенно, если они принадлежат к иным типам языковой личности) как неискренность и, даже, хитрость.

2) «Кооперативно-актуализаторский» – (кооперативный актуализатор) в речевом взаимодействии руководствуется основным принципом, который можно определить как стремление поставить себя на точку зрения собеседника, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами. К. Ф. Седов квалифицирует такой тип общения как соответствующий основному принципу христианской морали («возлюбить ближнего как самого себя») [5]. Принципиальным отличием поведения актуализатора от конформиста выступает двойная перспектива в общении: ориентация не только на собеседника, но и на себя. Точнее, – стремление возбудить в себе неформальный интерес к собеседнику, умение настроиться на его «волну». При этом кооперативный актуализатор, уважая мнение коммуникативного партнёра, сопереживая его проблемам, вовсе необязательно должен во всем с ним соглашаться. Более того, как это ни парадоксально, в некоторых случаях поведение актуализатора может напоминать методы манипулятора и, даже, агрессора. Это связано с тем, что данный тип личности уважает не только партнёра, но и себя. Это самый целесообразный тип личности (как индивидуальной, так и коллективной), так как именно общение в кооперативно-актуализаторском ключе нацелено на понимание и эффективную конструктивную перспективу.

Для подтверждения гипотезы мы провели анализ интернет-коммуникации: «Для кого Россия готовит Крым?» [<https://www.polituserforum.ru/threads/dlja-kogo-rf-gotovit-krum.1388/>]. Отметим, что текст-основа – это тот текст, который порождает ответное высказывание. Вторичный текст в рамках данной коммуникации является единицей

естественной письменной речи (далее – ЕПР). Термином ЕПР мы называем речевую деятельность, характеризуемую тремя признаками: письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения. [4] В интернет-коммуникации вторичными текстами являются комментарии участников обсуждения.

Материалом для анализа послужили 103 комментария. Проанализировав имеющийся материал, мы получили следующие результаты (см. рис. 1). Языковая личность во вторичном тексте может проявляться с точки зрения двух подходов: текстоцентрического и персоноцентрического.

При персоноцентрическом подходе соединены способности индивида с особенностями порождаемых им текстов [4]. Это, в первую очередь, личностное восприятие текста.

При текстоцентрическом подходе за многообразием «...скрывается нечто общее, единая сила, а именно языковая одаренность, языковая способность человека» [4].

Рис. 1 «Персоноцентрический подход и текстоцентрический подход»

Так как при текстоцентрическом подходе рассмотрения вторичных текстов, лингвоперсона выражена имплицитно, мы не можем идентифицировать языковое выражение однозначно. Поэтому для подтверждения нашей гипотезы о том, что вторичный текст содержит тип языковой личности, мы будем описывать эксплицитно выраженную лингвоперсону, которая проявляется при помощи таких языковых средств, как личные местоимения (я, мы, ты, вы и т. д.), личные глаголы и т. п.

Опираясь на типологию К. Ф. Седова [5], в интернет-коммуникации мы выделили конфликтный тип языковой личности.

Пример 1.

Кулагин: «Для кого Россия готовит Крым? Я слышал будто он уже распродан иностранцам»

Халямба: «Че за бред ты несёшь, дурак? Я сомневаюсь в этом».

В данном примере эксплицитность выражается при помощи личного местоимения я и глаголом сомневаюсь 1-го лица, единственного числа. Халямба является представителем конфликтно-агрессивного подтипа. Лексема «дурак» несёт форму прямого оскорбления, тем самым адресат демонстрирует пониженную семиотичность речевого поведения. Это проявление инвективного типа языковой личности в коммуникативном конфликте.

Пример 2.

StanS: « Я считаю, что это инсинуация чистой воды! А вы?»

Nobody: « Считаешь? Правда? Точно не инсинуация?»

Этот пример показывает, что агрессия не всегда может выражаться прямыми оскорблениями. В текстах ЕПР она может выражаться намеками и ответом вопросом на вопрос (коммуникативный саботаж). Так проявляется куртуазная конфликтность.

Эксплицитность вторичного текста выражается глаголом *считаешь* 2-го лица единственного числа.

Пример 3.

Lucrecia: «*Вы серьезно?*»

StanS: «*А внимательнее быть никак что ли? Я же уже разместил видеоролик.*

Смотри!»

Lucrecia: «*Понятно, я там что ничего в оправдание ваших слов не нашла*»

Данный дискурс отражает конфликтно-манипуляторское общение, где манипулятор принадлежит к рационально-эвристическому типу языковой личности. Выделенные конфликтогены реализуют значение унизить партнера. Эксплицитность в данном примере выражена при помощи личного местоимения *я*, а также глаголом *смотри* 2-го лица, единственного числа, который в данном контексте содержит явный негативный характер.

Центрированный тип языковой личности проявляется в следующих примерах:

Пример 1.

Советский интеллигент: «*Слышал, что еще много мест где есть работа*»

Irina: «*Нет, вот читаю, что много мест для работы есть еще*»

Данный пример иллюстрирует пассивно-центрированную разновидность общения. Поведение пассивного эгоцентрика (в нашем случае Irina) выглядит рассеянным, безобидным. Адресат как будто «уходит в себя». Используемый ответчиком глагол *читаю* тяготеет к эксплицитности.

Пример 2.

Nobody: «*Я думал, вы об аэропорте говорите*»

Алексей: «*Нет, я об аэродроме*»

Nobody: «*Ааа, я думал о том аэродроме*»

В этом примере оба участника строят свою речь, находясь в рамках пассивной центрации. Поэтому их диалог выглядит как разговор глухих, это подтверждается тем, что эксплицитность ответных реплик выражается только при помощи личного местоимения.

Также нами был выявлен кооперативный тип языковой личности. Примером кооперативно-конформной разновидности является следующий диалог:

Пример 1.

Serg: «*Я дважды пересмотрел видео и не нашел информацию*»

Alex: «*Ой, согласен, перепутал, сейчас будет правильный*»

Alex «открытым текстом» соглашается со своим партнером, делает установку не только на себя, но и на собеседника.

Пример 2.

Lucrecia: «*Я одна потеряла мысль разговора? »*

Irina: «*Не переживай, ты не одна такая*»

Lucrecia: «*Да у меня всегда так*»

Irina: «*Не преувеличивай*»

Этот пример иллюстрирует кооперативно-актуализаторский подтип речевого поведения, который предполагает высший уровень коммуникативной компетенции человека. Эксплицитность выражается при помощи глаголов 2-го лица единственного числа, личных местоимений *ты*, *меня*.

Таким образом, нам удалось выявить лингвоперсону во вторичных диалогических текстах, где языковая личность представлена эксплицитно, то есть адресатом реализован персонцентрический подход.

Полученные результаты анализа текстов Интернет-коммуникации дают нам возможность говорить о том, что вторичные тексты содержат определённый тип языковой личности. Нельзя сказать каким конкретно будет этот тип, так как языковая личность может демонстрировать, как конфликтность, так и центрацию. Это зависит от коммуникативной ситуации, от собеседника, характера статусно-ролевых отношений и

жанра общения (ссоры, болтовни, разговора по душам). Так, например, в центрированной ситуации говорящие ведут себя примерно одинаково, в конфликтной коммуникации один из участников будет стараться самоутвердиться за счет другого, а кооперативное общение подразумевает взаимоуважение, несмотря на то, что точки зрения у собеседников могут не совпадать.

Библиографический список

1. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. (10.02.19). – Л., 1984.
2. Голев, Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам «лингвоперсонем») / Н.Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. I / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово; Барнаул, 2009. – С. 7-40.
3. Лебедева, Н. Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // Актуальные проблемы русистики. - Томск, 2000. - С. 257-263.
4. Сайкова, Н. В. Лингвоперсонологическое описание вторичных текстов // Вестник Челябинского государственного университета. - 2009. - № 10 (148). - Вып.30. - С. 126–130.
5. Седов, К.Ф. Речевое поведение и типы языковых личностей // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. НА. Купиной. - Екатеринбург: Изд-во Урал, унта, 2000. - С. 298-311.

Хомич Э.П., кандидат филологических наук, заведующий Центром «Детское чтение»

Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

ПЕДАГОГИКА ДЕТСКОЙ КНИГИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Дефиниция «детская книга» входит в понятийный аппарат детской литературы и наряду с определениями «детский писатель», «детский язык», «детская речь», «детский текст», «детские дети» обеспечивает ее терминологический минимум, а также участвует в методическом сопровождении текста. Данная система работает и в научном описании, что подтверждает статус детской литературы и ее самостоятельность. Вопрос о науке в нашем случае неспроста: в последнее время детская литература становится объектом специального чтения, а потому как никогда нуждается в научной поддержке его перспектив и в формировании своего языка описания. Заметим, что при этом остается практика называть детской литературой все, что читают дети, или все, что рекомендуют им читать педагоги. По-прежнему обсуждается вопрос о самоценности детской литературы. В силу широкой распространенности данного понятия каждый уверен, что знает о детской литературе все, или почти все. Между тем, временная протяженность предполагает изменение взгляда на характеристики детства и сопровождающие его описания. В движении эпох меняется их восприятие: временем допускается корректировка филологических интерпретаций и смена научных парадигм. В обсуждениях спорных вопросов (некоторые из них делятся несколькими десятками лет) проверяется терминологическая точность. Характер рассматриваемой проблемы обусловлен также спецификой культурного пространства определенного периода времени.

Так, дискуссии о том, насколько самостоятельна детская литература, представляют собой исторически затянувшийся спор и провоцируют терминологические разночтения. Ситуация требует сверки понимания терминов. Прежде всего, нуждается в объективной